

**FOUND IN TRANSLATION:
TRANSFORMATION, ADAPTATION
AND CROSS-CULTURAL TRANSFER**

**НАЙДЕНО ПРИ ПЕРЕВОДЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ, АДАПТАЦИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР**

FOUND IN TRANSLATION:

**Transformation, Adaptation
and Cross-Cultural Transfer**

Kumi Tateoka, Valerij Gretchko, Yuika Kitamura (Eds.)

**Belgrade • Kobe
2016**

НАЙДЕНО ПРИ ПЕРЕВОДЕ:

Трансформация, адаптация
и межкультурный трансфер

Редакторы:

Куми Татэока, Валерий Гречко, Юика Китамура

Белград • Кобэ
2016

**BELGRADE UNIVERSITY
KOBE UNIVERSITY**

*This project was supported by The Japan Society
for the Promotion of Science (JSPS),
Grant-in-Aid for Scientific Research (KAKENHI) 23320068 (B)*

Основу этого сборника составляют материалы международного проекта, посвященного роли переводов и адаптаций в развитии культуры. Работы исследователей и переводчиков из десяти стран представляют широкий круг вопросов, связанных с теорией и практикой перевода, особенностями адаптации и трансформации текстов при их переходе в другую культуру. Книга адресована специалистам по теории перевода, филологам, а также широкому кругу заинтересованных читателей.

В оформлении обложки использованы
элементы картины Николая Рериха «Борис и Глеб»

Редакторы:

Куми Татэока, Валерий Гречко, Юика Китamura

Художественное оформление:

Ана Неделькович

Компьютерная верстка:

Стефан Розов

ISBN 978-86-88409-49-0

Издательство «Логос», Белград

Отпечатано в *феврале 2016 г.* в типографии «Графичар»
31205 Севойно, Горяни бб, Республика Сербия

© Коллектив авторов, 2016

CONTENTS

<i>Предисловие от редакции</i>	7
--	---

A Rose Is Not a Rose: Theoretical Inquiries

<i>Elena KOSTIOUKOVITCH (Milan)</i> . Adaptation — Transformation — Translation — Systematization. How translating <i>The Name of the Rose</i> by Umberto Eco brought me to researching the history of Italian gastronomy	11
<i>Такаси КИМУРА (Киото)</i> . Восприятие художественного текста с культурно чуждой структурой: из опыта адаптации одной пушкинской повести в ранний период Мэйдзи	27
<i>Сергей ЧУГУННИКОВ (Дижон), Александр БУРОВ (Пятигорск)</i> . К проблеме перевода концептуального текста: случай Валентина Волошинова	36
<i>Хенрике ШТАЛЬ (Трир)</i> . Стихотворение Пауля Целана «Мандорла» в польских и русских переводах	54
<i>Michael FINKE (Urbana-Champaign)</i> . Chekhov and Adaptation, with a Note on the Little Trilogy	80
<i>Валерий ГРЕЧКО, Хироко МАСУМОТО (Кобэ)</i> . Лодка переводчика: несколько замечаний по теме «перевод и адаптация»	90

The Russian Field: Russia, Soviet Union and Beyond

<i>Михаил ВАЙСКОПФ (Иерусалим)</i> . На стыке языков и культур: лабиринты Исаака Бабея	101
<i>Елена ТОЛСТАЯ (Иерусалим)</i> . Междуречье: из жизни русского языка на земле Израиля	110
<i>Gulzat EGEMBERDIEVA (Toronto)</i> . Silent Voices: Kyrgyz Women and «The Great Patriotic War» in Chingiz Aitmatov’s Early Work	122
<i>Александр КАРТОЗИА (Тбилиси)</i> . Пропавший «ангел». О переводе одного грузинского стихотворения в Советском Союзе	129
<i>Куми Тамэока (Кобэ)</i> . Репрезентация постсоветской армянской идентичности в документальном кино	133
<i>Thomas LAHUSEN (Toronto)</i> . On Embezzlement and Entropy: The Photographs of Evgeny Kashirin (1949–2007)	140

Dostoyevsky under the Bamboo Tree: East Asian Transfer

<i>Цзун-хуэй СЮН (Тайбэй)</i> . Русская литература во времени и пространстве Тайваня	149
<i>Takayuki YOKOTA-MURAKAMI (Osaka)</i> . Sexuality as Translation: The Pleasure Quarters of Nanjing and Edo	165
<i>Тэцуо МОТИДЗУКИ (Cannopo)</i> . Переводчик как читатель: из опыта перевода художественных текстов с русского на японский.	175
<i>Юри КАТО (Цукуба)</i> . Роль переводчиков и переводов в формировании и развитии «новой» японской литературы: особенности первых переводов западной литературы на японский язык	186
<i>Мицүёси НУМАНО (Токио)</i> . Переводы В. В. Набокова и А. П. Чехова на японский язык: о необходимости нового перевода классики.	195
<i>Yūika KITAMURA (Kobe)</i> . Where Does the Ninja Come From? «Japanese» Culture in American Children's Picture Books	201
<i>Людмила ЕРМАКОВА (Кобэ)</i> . «Принцесса Луны» и «Бамбук-дерево»: российская судьба «Такэтори-моногатари»	207

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ ТАЙВАНЯ

Первое знакомство тайваньцев с русской литературой

Обращаясь к истории Тайваня, необходимо отметить, что наша страна постоянно находилась и сейчас находится под влиянием окружающих стран, прежде всего материкового Китая (КНР) и Японии. Россия в геополитическом отношении далека от Тайваня, но ее литература не была чужда тайваньцам, и это тоже является одним из результатов влияния Японии и Китая. Так же, как в Китае, Японии и Корее, русская литература на Тайване переводится достаточно активно, однако если проследить историю формирования и развития традиции перевода русской литературы на Тайване, то мы увидим, что этот путь был непростым.

Первое знакомство с русской литературой на Тайване происходило, строго говоря, через посредство не китайского, а японского языка. Чтобы представить историю распространения переводной русской литературы на Тайване, необходимо хотя бы коротко рассказать о тайваньской истории с конца XIX по середину XX века, т. е. о «периоде японской колонизации на Тайване» (1895–1945 гг.)¹.

С конца XVII в. и до начала периода колонизации Японии власть на Тайване принадлежала китайскому правительству — маньчжурской династии Цин (Qing dynasty). Взгляд на мир тайваньских интеллигентов того времени был ограничен: Китай считался центром всего мира, центром мировой культуры. Ситуация изменилась после поражения маньчжурского правительства в Японо-китайской войне (First Sino-Japanese War, 1894–1895 гг.), когда по унижительному для Китая договору Магуань, т. е. Симоносекскому договору (Treaty of Shimonoseki), Тайвань был официально передан Японии. С приходом японской власти и вынужденным распространением японского языка тайваньцы познакомились не только с японской, но и с мировой литературой, в том числе и с русской. Этому способствовало и то, что Япония в то время сама активно осваивала европейскую культуру, там были очень популярны переводы иностранной литературы, благодаря чему, как это иронически ни звучит, молодое поколение тайваньцев, получившее японское образование, узнало русскую литературу.

¹ В кавычках дается терминологическое определение данного периода. Другой вариант перевода — «Тайвань под управлением Японии».

Первое знакомство с русской литературой на Тайване началось с двадцатых годов XX века, в эпоху японской колонизации, через посредство японских переводов. Исследователь тайваньской литературы Чэнь Вань-и (Chen Wuan-yi) вспоминает, что «в двадцатые годы XX века тайваньские интеллигенты читали русскую литературу, переведенную на японский язык... Произведения русского писателя Льва Толстого и французского писателя Андре Жида были хорошо известны тайваньским интеллигентам» (см. Chen Wuan-yi 2000). О знакомстве тайваньцев с русской литературой в двадцатые годы говорит и то, что в это время появился китайский перевод романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание», однако его название было изменено: он назывался «Кто согрешил, тот будет наказан» (有罪有罰 / Crime and Punishment)². Этот перевод был очень маленький по объему, он был напечатан в 1927 году в официальном журнале под названием «Образование Тайваня» (Taiwan Educational Magazine), перевод осуществил тайваньский ученый Чжан Яо-тан (Zhang Yao-tang, 1895–1982)³. Чжан Яо-тан много лет учился в Токио, получил там высшее образование. Разумеется, русскую литературу он изучал на основе японского языка.

Строго говоря, перевод «Кто согрешил, тот будет наказан» не может считаться переводным романом — точнее, он является пересказом, объем его составляет всего лишь две с лишним страницы. Однако из этого маленького перевода уже понятны представления Чжан Яо-тана о принципах и направлениях только начинающей развиваться литературной деятельности по переводу иностранной литературы на Тайване. Переводчик пытался не просто перевести литературное произведение с одного языка на другой, но и осваивать его образную систему, даже преобразовать ее, чтобы образы и поведение героев и, более того, содержание романа соответствовали нравам и эстетическим вкусам тайваньцев. Например, он дал главному герою романа Раскольникову совершенно другое имя — Лу Э-ванг (魯而枉), а Соне — имя Сулень (素蓮). Таким образом переводчик попытался с помощью знакомых тайваньцам китайских имен поближе познакомить читателей с героями русского литературного произведения, поскольку оба имени, использованные в соответствии с китайскими традициями, отражают личность героев, их характер. Например, имя Лу Э-ван означает безрассудство и отклонения в поведении, а имя героини Сулень означает простоту и красоту личности. Все эти принципы литературного перевода с современной точки зрения оказываются уже устаревшими, даже неправильными, но мы не можем игнорировать усилия и вклад первых переводчиков в формирование и развитие традиций перевода иностранной литературы на Тайване.

Кроме того, что Чжан Яо-тан изменил имена героев произведения, он по-своему трактует и сюжетную основу: в переводном тексте написано, что герой

² См.: Crime and Punishment // *Taiwan Educational Magazine*. № 303.

³ Чжан Яо-тан — тайваньский ученый, преподаватель японского языка и исследователь мировой детской литературы, он много лет учился в Японии, хорошо владел и китайским, и японским языками.

«убил старуху-процентщицу, убил сестру старухи, убил и дочку старухи». Последнее является очевидной ошибкой. Однако существует мнение, что Раскольников убил трех человек: старуху-процентщицу и ее сестру Лизавету, которая была беременна, так что Раскольников, не зная того, убил еще и ребенка. Сам Достоевский по этому поводу не дал никаких комментариев. Ошибка Чжан Йо-тана заключается в том, что он точно указал, что герой убил троих, и третьим является дочь старухи-процентщицы, чего никак не может быть. Возможно, переводчик сознательно исказил факты для того, чтобы подчеркнуть безрассудное и необдуманное, с его точки зрения, поведение героя. Однако из-за того, что Чжан Йо-тан не указал, какой сокращенный японский перевод был положен в основу его перевода, мы так и не знаем, была ли это ошибка в японском переводе или это была ошибка самого Чжан Йо-тана.

Здесь необходимо упомянуть, что журнал «Образование Тайваня» был официальным органом японской власти. Он был разделен на две части: в первой части материалы публиковались на японском языке, а во второй — на китайском, при этом второй части отводился гораздо меньший объем. В годы господства Японии на Тайване официальным языком был все-таки японский, так что русская литература переводилась, естественно, на японский язык, и переводчиками, соответственно, были японцы. Чжан Йо-тан перевел русский роман с японского на китайский, что было небезопасно. Недаром исследователь Чю Гэ-жонг (Chiu Ko-jung) подчеркивает, что «Чжан Йо-тан подвергался опасности, перевода “Преступление и наказание” Достоевского на китайский, он был пионером в области перевода произведений русской литературы на Тайване» (2013: 100). Слова Чю Гэ-жонга очень верны. Ныне этот маленький перевод доказывает, что тайваньские интеллигенты были знакомы с русской литературой, в первую очередь с произведениями Достоевского, уже в двадцатые годы XX века, в этот период начинается деятельность по переводу иностранной литературы. Кроме того, китайский язык, используемый Чжан Йо-таном для перевода, был старый письменный язык «вэньянь» (Literary Chinese), его потом заменили на современный письменный язык «байхуа» (Written vernacular Chinese). В этом смысле перевод «Кто согрешил, тот будет наказан» является уникальным.

Распространение русской литературы на Тайване в 30-е годы XX века

Однако по-настоящему широко русская литература стала известна тайваньским интеллигентам и писателям уже после 30-х гг. XX века. После 1931 г., благодаря таким официальным кампаниям японской власти, как «Десятилетний план распространения японского языка» (1931 г.) и «Движение японизации» (1936 г.), японский язык и японские книги стали быстро распространяться по всему Тайваню. По статистическим данным, в 1942 году доля говорящих по-японски на Тайване составляла уже 60% всего населения острова (Wang Hui-Chen 2010: 37), а число носителей китайского языка, наоборот, становилось все меньше и меньше.

В то время экономика Японии после Великого землетрясения Канто (1923 г.) резко ухудшилась, и японские издательства, чтобы выжить, начали выпускать полные собрания сочинений разных писателей и по низкой цене продавать их сначала в самой Японии, а потом и во всех ее колониях. Эта коммерческая стратегия называлась «Энпон» (Книга за одну иену)⁴. Она способствовала весьма эффективному распространению произведений мировой литературы среди молодых людей на Тайване. Самыми популярными были «Полное собрание сочинений мировой мысли» издательства «Сюнджюся» (Shunjusha, 1927 г.), «Полное собрание сочинений мировой литературы» издательства «Синтёся» (Shinchosha, 1930 г.) и «Полное собрание сочинений современной японской литературы» издательства «Кайдзося» (Kaizosha, 1931 г.). Тогда почти у всех тайваньских писателей, например, Лай Хо (Lai Ho, 1894–1943 гг.), Ян Куэя (Yang Kui, 1906–1985 гг.), Ян Юнь-пинга (Yang Yun-ping, 1906–2000 гг.), Ванг Ши-ланга (Wang Shi-lang, 1908–1984 гг.), Лон Ин-цзуня (Long Ying-zong⁵, 1911–1999 гг.) и Лу Хэ-жо (Lu He-jo, 1914–1951 гг.), хранились дома эти полные собрания сочинений. Писатель Ванг Ши-ланг вспоминает, что благодаря этим полным собраниям сочинений он «в молодости уже хорошо знал русскую и французскую литературу, читал Пушкина, Тургенева, Достоевского и Толстого, почти все произведения Толстого» (Wang Hui-Chen 2014: 77). А писатель Ян Куэй отмечал: «Мне нравится русская литература, я читал главные произведения XIX века, особенно люблю Толстого» (Wang Hui-Chen 2014: 77–78). На основании приведенных примеров мы можем прийти к выводу, что благодаря реализации коммерческой стратегии «Энпон» тайваньцы получили возможность широко ознакомиться с японской и западной литературой, в том числе и с русской классикой XIX века. Эти полные собрания сочинений остались в памяти многих тайваньских интеллигентов времен японской колонизации.

Почему же именно русская литература так привлекала тайваньских интеллигентов? Они осознавали и высоко ценили ее высокий дух гуманизма, призыв к борьбе против несправедливости, устремленность к свободной воле. По словам известного тайваньского писателя Е Ши-тао (Yeh Shih-tao, 1925–2008 гг.), который родился, учился и начал свою писательскую карьеру именно во время японской колонизации, «в русской литературе тайваньские писатели видели дух сопротивления империализму, который для колониальных тайваньцев был крепкой поддержкой и утешением» (см. Zhang Qian-wei). Современник Е Ши-тао, поэт Чжао Тиань-и (Zhao Tian-yi, р. 1935) выступил однажды с речью о русской литературе на Тайване, в которой указал на то, что «до сих пор старые тайваньцы, получившие образование в период японской колонизации, считают французскую и русскую литературы наиболее значимыми, оказавшими наибольшее влияние на тайваньскую литературу, и это стало уже общепризнанным фактом (см. Zhao Tiang-yi 2002). Кроме того, старые тайваньские писатели

⁴ Кроме стратегии «Энпон» (Enpon), существовала еще и другая коммерческая стратегия — «Карманные книги» (Bunkobon)

⁵ Другой вариант английской транслитерации — Long Ying-tsung.

всегда с уважением называют русскую литературу на японский манер “Лусия Буиньгаку” (露西亞文學)» (см. Zhao Tian-yi 2002). С названием «Лусия Буиньгаку» связаны печальные для тайваньцев воспоминания о периоде японской колонизации, а также о стремлении тайваньцев к свободе, самостоятельности и высокой любви ко всему миру.

Роль русской литературы в истории развития тайваньской литературы

Несмотря на процессы колонизации, тайваньские интеллигенты широко знакомы с произведениями мировой литературы, и это вызывало в них желание творить, создавать свою национальную литературу. Русская литература сыграла в этом важную роль. Так, известный тайваньский писатель периода японской колонизации Лон Ин-цзун (Long Ying-zong), представивший свое новое произведение «Городок с посаженными папайями» (パパイヤのある街), написанное на японском языке, получил в 1937 году премию престижного японского литературного журнала «Кайдзо» (Kaizo) за лучшее прозаическое произведение года (см. Long Ying-zong 1937). Такое на Тайване случалось очень редко. Лон Ин-цзун происходил из обычной семьи, он получил среднее образование на Тайване, знал только японский язык, на нем и писал свои произведения. Что касается его творческого стиля, то он указывал, что русская литература оказала на него наибольшее влияние. Он вспоминает, что когда он был еще очень молодым, ему дали почитать японский перевод романа Тургенева «Первая любовь», и это произведение так сильно его впечатлило, что писатель потом считал этот роман «главным мотивом, приведшим его на творческий путь» (Long Ying-zong 2006 т. 5: 108). Этот японский перевод, раскрывший новый мир писателю и изменивший его судьбу, принадлежал японскому поэту и переводчику Икута Сюнгэцу (Ikuta Shungetsu, 1892–1930), который перевел роман с немецкого языка. Хотя перевод был не с оригинала, он все-таки точно передавал ту присущую стилю Тургенева «тоску», которую быстро уловил и усвоил Лон Ин-цзун.

Китайские переводы русской-советской литературы на Тайване

Что касается китайских переводов русской литературы, то они также сыграли свою роль в распространении русской литературы на Тайване. Это влияние стало особенно сильным после 1919 года, когда в Китае набирало силу «Движение 4 мая» (May Fourth Movement). До этого «из-за цензуры и различных ограничений китайские книги редко появлялись на Тайване» (Tsai Sheng-chi 2002: 76). Таким образом, ранние китайские переводы русской литературы едва ли могли оказать влияние на тайваньских интеллигентов.

Самым ранним переводом произведений русской литературы в Китае явился переводной роман «Русская любовная история: биография Мэри Смит»

(1903 г.) — перевод исторической повести Пушкина «Капитанская дочка». Перевод выполнил Джи И-хуэй (Ji Yi-hui, 1878–1908 гг.), причем он перевел эту повесть с ее японского перевода, который назывался «Необыкновенная история, происшедшая в России, или Повесть о бабочке, мечтающей о душе цветка» (露國奇聞—花心蝶思錄, 1883 г.), переводчик — Такасу Дзисукэ (Takasu Jisuke)⁶. Эта переводная повесть потом была переиздана под другим названием — «Трогательная история, происшедшая в России, рассказанная Мэри Смит» (露國情史—スミス・マリー之傳, 1886 г.). Китайский переводчик Джи И-хуэй переводил, очевидно, именно с этого варианта японского перевода (Zhang Tie-fu 2000: 44). Перевод Такасу был неполным, поэтому также неполным являлся и китайский перевод. Кроме того, японский редактор порекомендовал переводчику Такасу заменить русскую фамилию героя повести Гринев на английскую фамилию Смит, что также повлияло на китайский перевод. Даже был такой момент, когда китайские переводчики и исследователи не могли идентифицировать Мэри Смит с персонажами повести Пушкина (Zhang Tie-fu 2000: 45).

Первый китайский перевод произведения русской литературы с оригинала появился в 1921 году. Это был перевод той же самой повести «Капитанская дочка» (甲必丹之女), перевод выполнил переводчик Ан Шоу-и (An Shou-yi) (Chen Jian-hua 1998: 58). Однако эти ранние китайские переводы остались на Тайване незамеченными.

Как уже было сказано, китайские переводы русской литературы в Китае, как и на Тайване, вначале были вторичными переводами с японского языка. Это происходило потому, что Япония, начиная с середины XIX века, активно принимала и осваивала европейскую культуру; произведения, переведенные с различных иностранных языков, были очень популярны в Японии в начале XX века⁷. Основатель современной китайской литературы Лу Синь (Lu Xun, 1881–1936 г.), который учился в Японии еще в 1902 году, считал Японию того времени «азиатской Францией; понимать по-японски это значит понимать весь мир» (Wang Hui-Chen 2014: 77). Будучи одной из колоний Японии, Тайвань получал информацию и новости непосредственно на японском языке, и благодаря этому молодые тайваньцы, получившие японское образование, знакомились с русской литературой ничуть не позже, чем материковые китайцы.

Материковый Китай в то время воспринимался на колониальном Тайване как зарубежная страна. Он привлек особое внимание тайваньских интеллигентов, когда возникло «Движение 4 мая» (1919 г.). «Движение 4 мая» — это большое общественное движение, основными участниками которого были студенты и профессора, оно было направлено против западных держав и Японии, осуществлявших агрессию в Китае. «Китайская “новая литература” зародилась

⁶ Это был первый перевод произведения Пушкина, как, впрочем, и вообще произведений русской литературы в Японии. Подробнее об этом японском переводе см. статьи Т. Кимура и Ю. Като в настоящем сборнике.

⁷ В Японии перевод иностранной литературы начался еще в период Мэйдзи, то есть после 1868 года; это было гораздо раньше, чем на Тайване и в Китае.

во время “Движения 4 мая” (оно и называется “движением новой культуры” или “движением новой литературы”), и ее развитие тесно связано с развитием перевода русской литературы в Китае» (см. Лю Вэнь-фэй). Этому способствовала деятельность радикального китайского реформатора литературы Мао Дуня⁸ (Мао Дун, 1896–1981 гг.), который возглавлял в 1920–1922 годах один из самых ведущих и престижных журналов «Сяошо Юэ-бао» (Xiaoshuo Yuebao / The Short Story Magazine).

Мао Дунь считал журнал эффективным инструментом влияния на умы. Именно в тот период, когда он работал главным редактором в журнале «Сяошо Юэ-бао», в Китае регулярно переводились и печатались переводы произведений русской литературы, например, из произведений XIX века были переведены повесть «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя, рассказ «Княгиня» А. Чехова, цикл рассказов «Записки охотника» И. Тургенева и афоризмы Толстого; а из произведений конца XIX — начала XX века переводились, например, рассказы Л. Андреева «Ложь» и «Молчание», повесть М. Арцыбашева «Рабочий Шевырём», рассказ В. Гаршина «Четыре дня», а также произведения М. Горького. Эти переводы выполнили Лу Синь, Чжо Цо-жэ (Zhou Zuoren, 1885–1967 гг.), Гэн Цзы-чжи (Geng Zi-zhi, 1899–1947 гг.), Чжэн Чжэнь-до (Zheng Zhen-duo, 1898–1958 гг.) и сам Мао Дунь. Именно в журнале «Сяошо Юэ-бао» впервые появились переводы произведений русского модернизма, например, переводы рассказов Л. Андреева. Кроме того, в этом журнале впервые появилось понятие «русская-советская литература», которое быстро распространилось по всему материковому Китаю.

Китайский журнал «Сяошо Юэ-бао» был хорошо известен тайваньским интеллигентам. В библиотеке писателей Лаяй Хо и Яня Юнь-пинга сохранилось немало номеров этого журнала, обращаясь к его материалам, они внимательно следили за литературными тенденциями.

Под влиянием «Движения 4 мая» тайваньский поэт Чжан Уо-джуи (Zhang Wo-jun, 1902–1955 гг.) решил ускорить процесс развития новой литературы на Тайване. Он опубликовал в 1924 году в газете «Тайвань Мин-бао» (Taiwan Minbao)⁹ две статьи подряд: «Обращение к тайваньской молодежи» (致台灣青年的一封信) и «К консервативным литературным кругам Тайваня» (糟糕的台灣文學界). В них поэт подверг критике традиционную тайваньскую литературу «вэньянь», чем вызвал бурную полемику вокруг «старой» и «новой» тайваньской литературы. В 1924–1926 годах Чжан Уо-джуи активно пропагандировал произведения китайских писателей, лидеров «новой литературы», например,

⁸ Мао Дунь — это самый известный псевдоним писателя. В журнале «Сяошо Юэ-бао» он использовал свое настоящее имя — Шэнь Ян-бин (Shen Yan-bing).

⁹ Газета «Тайвань Мин-бао» была создана в 1923 году в Японии в Токио, материалы в ней публиковались полностью на китайском языке, поэтому она считалась единственным авторитетным тайваньским печатным органом. В 1927 году власти Японии разрешили редакции газеты переместиться на Тайвань при условии публикации части материалов на японском языке.

Ху Ши (Hu Shih, 1891–1962 гг.), Лу Синя, Го Мо-жо (Guo Moqiu, 1892–1978 гг.), Бин Синя (Bing Xin, 1900–1999 гг.) и Сюй Чжи-мо (Xu Zhimo, 1897–1931 гг.). Кроме того, соглашаясь с мнением Лу Синя, Чжан Уо-джуи пытался с помощью переводов иностранной литературы преобразовать старую тайваньскую литературу.

В 1925 году Чжан Уо-джуи в той же газете переиздал переводы сказок В. Ерошенко «Печаль рыбы» и «Тесная клетка», выполненные Лу Синем¹⁰, несмотря на то, что, строго говоря, В. Ерошенко не может считаться «характерным» русским писателем. Однако последний использовал жанр сказки в целях разоблачения темноты общества и рабства в человеке, и это высоко оценил в нем Лу Синь. По этой причине Чжан Уо-джуи и решил представить тайваньским читателям сказки Ерошенко. Таким образом, главной целью Чжан Уо-джуи являлось преобразование тайваньской «старой» литературы с помощью китайской «новой литературы» и переводов западной литературы.

Здесь стоит упомянуть один интересный момент. Перед нами одно случайное, но важное совпадение: распространение русской литературы на Тайване, ее популярность среди интеллигентов совпали по времени с теми же процессами в Китае. Обе страны шли параллельными путями, однако исток их движения был общий — японский язык и японские переводы. Тайваньские интеллигенты в период японской колонизации больше всего читали русскую литературу XIX века, особенно произведения Пушкина, Тургенева, Толстого и Достоевского, то есть классику. А что касается бунтарского русского модернизма, то его тайваньцы узнавали уже через китайские переводы.

Что касается переводов русской-советской литературы, которые появились на Тайване после «Движения 4 мая», то они были фрагментарными, нецельными, с явно выраженной идеологической позицией переводчиков. Это происходило потому, что главные переводчики русской-советской литературы того времени, такие как Лу Синь, Мао Дунь и Ба Цинь (Ba Jin, 1904–2005 гг.), были не просто переводчиками, а еще и писателями и общественными деятелями. Они активно переводили произведения М. Горького, Л. Андреева, М. Арцыбашева и А. Блока, потому что для них общественное воздействие и влияние на публику посредством этих произведений было важнее всего. Они пытались своими переводами разбудить китайский народ, чтобы он осознал несправедливость окружающего мира. Такую позицию поддерживали и тайваньские писатели Лай Хо, Ян Куэй и Лу Хэ-жо, они считали, что настоящая литература должна иметь силу преобразовывать общество и мысли публики. На формирование такой тенденции, несомненно, большое влияние оказало «Движение 4 мая», способствовавшее активизации переводческой деятельности.

¹⁰ Сказка В. Ерошенко «Печаль рыбы» была переиздана в газете «Тайвань Мин-бао» 11 июня 1925 г. Впоследствии в этой же газете несколько раз была перепечатана сказка «Тесная клетка» (6, 13, 20 сентября и 4 октября 1925 г.). Так тайваньские интеллигенты познакомились с русским писателем Ерошенко.

«Новые» старые переводы русской литературы на Тайване (1945–1991 гг.)

После Второй мировой войны и капитуляции Японии (1945 г.) к власти на Тайване пришли новые политические силы — правительство, в котором ведущие позиции занимала партия Гоминьдан (Kuomintang, КМТ). Вместе с приходом нового правительства на Тайване в стране сменился официальный язык: вместо японского им стал китайский. Однако большинство тайваньцев тогда еще не умели говорить и писать по-китайски — так образовался культурный разрыв.

В конце 1949 года коммунистический режим распространил свое влияние на весь Китай, и правительство партии Гоминьдан (КМТ) отступило на Тайвань. С тех пор и до середины 80-х годов XX века на Тайване главным направлением государственной политики и пропаганды являлся политический лозунг «Против коммунизма и Советского Союза» (1949–1987 гг.). Связь между двумя берегами (Тайванем и Китаем) практически прервалась. В 1951 году книги, опубликованные в Китае, содержащие коммунистические, левацкие идеи, были полностью запрещены на Тайване. В списке запрещенных книг находились, среди прочего, произведения русской и, особенно, советской литературы, например, повесть Пушкина «Капитанская дочка», поэма Н. Гоголя «Мертвые души» и его комедия «Ревизор», рассказ М. Шолохова «Смертный враг», роман М. Горького «Дело Артамоновых», его рассказ «Двадцать шесть и одна» и даже «Русские сказки» (Tsai Sheng-chi 2010: 112–113). По сравнению с японской цензурой в период колонизации, цензура правительства партии Гоминьдан была еще более строгой.

Однако в период между капитуляцией Японии и объявлением правительством партии Гоминьдан военного положения (19 мая 1949 г.)¹¹ на Тайване появлялось много китайских переводов русской литературы, при этом следует отметить, что эти переводы первоначально были опубликованы в Китае (в частности, в городе Шанхае), а потом уже распространились на Тайване. Это произошло, например, с переводами романов «Тихий Дон» М. Шолохова и «Мать» М. Горького, которые оказали сильное влияние на тайваньских интеллигентов (Yeh Shih-tao 1987: 74). В этот период количество ввозимых на Тайвань китайских книг и переводов было достаточно велико, так как поначалу новое правительство хотело, чтобы тайваньцы с помощью этих книг выучили китайский язык, и тем самым позиции китайского языка укрепились бы. Однако после отступления нового правительства на Тайвань курс издательской политики резко изменился. В 1949 году ввоз книг из Китая был запрещен, затем «в 1951 году был издан официальный указ, в котором констатировалось: “Произведения и переводы писателей-коммунистов и приближенных к ним писателей будут запрещаться”» (Tsai Sheng-chi 2010: 85). На основании этого указа многие пере-

¹¹ Введенное правительством партии Гоминьдан военное положение на Тайване просуществовало с 1949 по 1987 год, т. е. 38 лет.

воды, уже появившиеся на Тайване, запрещали, сжигали, и среди них больше всего было переводов русской-советской литературы, так как их переводчиками являлись либо китайские писатели левацкого толка, либо члены коммунистической партии Китая. Например, писатель, член коммунистической партии Китая Цюй Цю-бо (Qu Qiubai, 1899–1935 гг.) перевел поэму Горького «Человек» (1946 г.), сборник стихотворений в прозе Тургенева «Порог» перевел Ба Цзинь (1947 г.), а поэму Гоголя «Мертвые души» перевел Лу Синь (1948 г.). Все эти переводы были включены в 1952 году в список запрещенных книг. В этом списке было всего 64 книги, из которых 25 книг составляли переводы русской и советской литературы (Tsai Sheng-chi 2010: 112–114).

Чтобы быстрее обучить новое поколение тайваньцев китайскому языку, правительству партии Гоминьдан были необходимы китайские книги, учебники и переводы. Поэтому вопреки Указу 1951 года на тайваньском книжном рынке постепенно стали появляться «новые» старые китайские переводы, опубликованные уже тайваньскими издательствами; при этом имена китайских переводчиков были либо нарочно стерты, либо заменены псевдонимами. Старые запрещенные китайские переводы снова и снова перепечатывались на Тайване, но настоящие имена переводчиков долгое время были неизвестны (Lai Tzu-yun 2014: 31). Например, перевод романа Тургенева «Отцы и дети», переизданный на Тайване сначала в 1957 году, а потом в 1968 году, был, на самом деле, выполнен Ба Цзинем (1943 г.). Среди этих «новых» старых изданий 50-х — 90-х годов было немало переводов русской классики, в основном это были переводы произведений Тургенева, Толстого и Достоевского. Таким образом, в период политики «Против коммунизма и Советского Союза» русская литература XIX века все же была доступна тайваньцам.

По статистическим данным Института библиотекосведения, информации и архивов, с 50-х годов XX в. по 2008-й год самыми популярными переведенными произведениями русской литературы являлись следующие: «Война и мир» (68 переводов), «Преступление и наказание» (64 перевода) и «Доктор Живаго» (52 перевода) (Tsay Ming-Yueh; Dong Huei-Ru 2009: 45). Большое количество переводов кажется неожиданным, но если отнестись к этому более внимательно, то становится ясно, что все эти переводы осуществили не тайваньцы: они либо были выполнены уже давно старыми китайскими переводчиками, либо являлись новыми переводами, выполненными после пятидесятих годов молодым поколением китайских русистов. Например, до 1985 года на Тайване самый популярный перевод романа «Преступление и наказание» принадлежал китайскому переводчику Ван Бин-куню, который был совершенно неизвестен ни на Тайване, ни в Китае, но он перевел роман «Преступление и наказание» еще в 1936 году. Новый перевод этого романа появился на Тайване в 1985 году, его осуществил китайский переводчик Юэ Линь еще в 1979 году.

Таким образом, процесс перевода произведений иностранной литературы на Тайване в период после 1945 года и до отмены «военного положения» (и даже до 1990 года) был неупорядоченным и бессистемным.

Однако эти «новые» старые китайские переводы были трудны для восприятия тайваньцев. Во-первых, старые китайские переводчики, например, Гэн Цзы-чжи, предпочитали прямой, дословный перевод, без каких-либо изменений. Во-вторых, они (например, Лу Синь и другие) использовали современный письменный китайский язык «байхуа», который тогда был еще несовершенным, простым, негибким. Все это вызывало неудобство в чтении и понимании переводных произведений.

Новые китайские переводы появились в материковом Китае уже после пятидесятых годов XX века. Они так же, как и ранее, издавались и переиздавались тайваньскими издательствами либо без указания имен авторов, либо под псевдонимами. Это продолжалось вплоть до конца восьмидесятых годов XX в. Однако эти новые китайские переводы не совсем соответствовали состоянию китайского языка на Тайване: во-первых, в КНР используются упрощенные иероглифы¹², а на Тайване — традиционные. Во-вторых, и лексика, и сочетаемость слов, и стиль языка, используемого в Китае, очень сильно отличаются от языковых привычек тайваньцев. Именно поэтому китайские переводы произведений русской литературы того времени не находили отклика в душе тайваньских читателей, большинство из этих переводов наши читатели не оценили.

Новые переводы русской литературы на Тайване после 1965 года

Ввиду вышеуказанных причин тайваньцам хотелось иметь свои переводы произведений русской литературы. Такие переводы появились после 1965 года, они были выполнены уже тайваньцами. В то время в нашей стране наблюдалась новая волна интереса к русской литературе, при этом особую популярность имел Ф. М. Достоевский, что было связано с пиком популярности философии экзистенциализма. В связи с этим Достоевский был представлен тайваньским читателям как писатель-экзистенциалист. Исследователь и критик Ву Сюун-хуон (Wu Xuan-huon) в своем эссе писал: «В шестидесятые и семидесятые годы Достоевского считали на Тайване предшественником экзистенциализма» (2006). Именно по этой причине тайваньский писатель и переводчик Мон Сян-сэн (Meng Xiang-sen, 1937–2009 гг.) начал активно переводить с 70-х гг. XX в. произведения Достоевского, например, повесть «Записки из подполья» (1966), романы «Игрок» (1981) и «Бесы» (1979). Благодаря переводам Мон Сян-сэна, Достоевский, как ураган из широкой российской степи, вызвал сильные чувства в душах тайваньских читателей. Кроме Мон Сян-сэна, свой вклад в работу по переводу произведений русской литературы внесла также переводчица Чю Хуэй-чжан (Chiu Hui-zhang, р. 1934), которая перевела повесть Достоевского «Белые ночи» (1978) и его романы «Двойник» (1976) и «Игрок» (1969), кроме того, она перевела еще и роман В. Набокова «Смех в темноте» (1938), изменив при этом его название на «Глупая жизнь» (1985). Количество этих переводов

¹² Деятельность по упрощению иероглифов в КНР возглавил премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, официальный проект упрощения иероглифов был опубликован в 1956 году.

по сравнению с переводами американской, английской и французской литературы, считавшимися главными направлениями перевода мировой литературы на Тайване, конечно, очень невелико, кроме того, эти произведения были переведены с английских или японских текстов, а не с оригинала.

Также стоит упомянуть имя еще одного переводчика — известного тайваньского писателя Чжен Цин-вэня (Cheng Ching-wen, р. 1958). Чжен Цин-вэнь перевел некоторые рассказы Чехова и роман «Евгений Онегин» Пушкина. Однако переводы Чжен Цин-вэня также были выполнены не непосредственно с русского на китайский язык, а с японских текстов, в связи с чем его перевод «Евгения Онегина» лишился стихотворной формы пушкинского оригинала, т. е. стал прозаическим, и в переводе содержались только первые восемь глав, отсутствовали «Отрывки из путешествия Онегина» и десятая глава. Название переводного романа также изменилось: теперь он назывался «Вечный возлюбленный» (1977 г.). Так получилось, что перевод Чжен Цин-вэня явился своеобразным творением, даже трудно считать его переводом произведения Пушкина. Тем не менее стоит отметить, что, несмотря на отступления от формы и названия оригинала, перевод Чжен Цин-Вэня представляет ценность для тайваньских исследователей как исторический материал.

Переводить литературное произведение не с текстов оригинала, а с другого языка — это, конечно, не самый лучший вариант, но тогда на Тайване в связи с политической ситуацией почти не было профессиональных литературных переводчиков с русского языка, также не было возможности переводить и советскую литературу (по этой причине тайваньским читателям были более известны имена писателей XIX века). Ситуация изменилась только после распада СССР. Именно в этот период на Тайване возникает большой интерес к русскому языку и литературе.

Распространение советской литературы на Тайване

Что касается произведений советской литературы, то они переводились на Тайване недостаточно. В связи с проводимой правительством политикой «Против коммунизма и Советского Союза» эти произведения были сначала запрещены и потому недоступны для чтения, впоследствии ограниченное распространение получил роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1965). Впервые этот роман появился на Тайване в виде переиздания гонконгского перевода, имя переводчика при этом было заменено псевдонимом (Lai Tzu-yun 2014: 30). Хотя в 60-е годы тайваньские интеллигенты еще мало знали советскую литературу, но роман «Доктор Живаго» и его автор были известны уже многим. Имя автора постоянно появлялось в престижных литературных журналах того времени, например, в журнале «Вэнь Син» публиковались его стихи в переводе тайваньских поэтов, печатались интервью с ним, его имя упоминалось в новостях. Причина публикации перевода романа «Доктор Живаго» и его популярности была ясна: роман тогда считали антисоветским произведением. Хотя этот роман сам по себе являлся произведением советской литературы, его автор — Б. Пастер-

нак — подвергался сильным нападкам со стороны советских властей, и поэтому Пастернак воспринимался на Тайване как единомышленник, так как «враг нашего врага есть наш друг». В последующие полвека после первой публикации этот переводной роман постоянно переиздавался разными издательствами, что свидетельствует о популярности этого романа. По статистическим данным, он являлся одним из самых популярных русских произведений XIX–XX вв. на Тайване вплоть до 2009 года (Tsay Ming-Yueh; Dong Huei-Ru 2009: 45). Долгое время он считался чуть ли не образцом советской литературы.

В шестидесятые годы появился и перевод произведения Д. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1964). Он был издан в соответствии с тем же самым принципом — «враг нашего врага есть наш друг»: автора произведения также считали писателем антисоветским.

После 80-х годов тайваньцы стали постепенно обращать внимание на тех советских писателей, которые считались диссидентами. Так, в 80-е годы постоянно переиздавались произведения А. Солженицына: повесть «Один день Ивана Денисовича», романы «Архипелаг ГУЛАГ» и «Раковый корпус». Посещение писателем Тайваня в 1982 году было не только большим литературным, но и политическим событием.

До распада Советского Союза у нас появлялись, кроме переводов романа «Доктор Живаго» и произведений А. Солженицына, переводы других произведений советской литературы, таких как «Тихий Дон» М. Шолохова (1981 г.), «Дети Арбата» А. Рыбакова (1987 г.) и «Ягодные места» Е. Евтушенко (1989 г.). Однако все эти произведения были переведены сначала в Китае, а потом лишь переизданы на Тайване.

В 90-е годы на Тайване появились переводы романов Е. Замятина «Мы» (1997 г.) и М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (2002 г.). Оба перевода вызвали немало откликов у тайваньских читателей, что было связано с высокой оценкой обеих книг на Западе и в Америке. Роман «Мы», как и английские романы О. Хаксли «Прекрасный новый мир» (Brave New World) и Д. Оруэлла «1984», считаются в Европе и Америке тремя классическими романами антиутопиями. Тайваньцы под влиянием прежде всего американского общественного мнения также стали воспринимать роман «Мы» как роман антиутопию, как роман, направленный против Советского Союза.

То же самое относится и к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Тайваньцы узнали о писателе и его печальной судьбе на родине, о том, что его творчество долгое время было запрещено в Советском Союзе, из американских средств массовой информации. И поскольку «враг нашего врага есть наш друг», перевод «Мастера и Маргариты», хотя и поздно, но все-таки дошел до тайваньских читателей и быстро завоевал среди них признание. Сейчас мы можем утверждать, что романы «Доктор Живаго» Пастернака, «Мы» Замятина и «Мастер и Маргарита» Булгакова расцениваются на Тайване как наиболее значительные произведения советской литературы.

Заключение

История распространения переведенных произведений русской литературы на Тайване длится уже более девяноста лет (начиная с 20-х годов прошлого века и по сей день). По сравнению с другими странами, например, с материковым Китаем, история эта не очень долгая, но, несомненно, сложная, здесь всегда наблюдалось влияние внешних политических факторов либо со стороны Китая, либо со стороны Японии, либо со стороны Америки. Кроме того, история перевода и распространения произведений русской литературы на Тайване является прерывистой, связь между переводами разных периодов нередко отсутствует, опыт переводчиков-предшественников не всегда наследуется преемниками. Все это, конечно, повлияло и на распространение произведений русской литературы в нашей стране.

После 90-х годов наши издательства предпочитают публиковать наряду с тайваньскими переводами произведений русской литературы также и переводы, выполненные в КНР, но на обложках книг теперь напечатаны уже настоящие имена переводчиков. Такая издательская политика позволяет, с одной стороны, развивать традиции перевода русской литературы на Тайване, а с другой стороны, использовать уже имеющуюся китайскую базу, что позволяет экономить средства. Однако китайская школа перевода произведений русской литературы не сыграла решающей роли в популяризации русской литературы на Тайване по причине языковых различий. Переводы из материкового Китая не помогли приблизить тайваньских читателей к русской литературе — наоборот, они стали причиной барьера между ними. Поэтому нам на Тайване хотелось бы иметь своих переводчиков и свои переводы. С 2001-го по 2004-й год на Тайване появилось несколько переводов произведений русской литературы: «Избранные стихи русских поэтов XVIII–XX веков», драмы А. Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», повесть Н. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Все произведения перевели ученые-русисты Оу Инь-си (Ou In-si), Чэнь Чжао-линь (Chen Zhao-lin) и Ванг Ай-мо (Wang Ai-mo). Особенностью этих переводов являлось то, что книги переводились по специальным государственным грантам, поэтому когда гранты закончились, работа по переводу была прервана.

После 2000-го года на Тайване появилось молодое поколение переводчиков русской литературы: Чю Куан (Chiu Kuang), Ян Дин-цзя (Yan Ding-jia), Чжо Чжен-цан (Zhou Zheng-tsang), Чэнь Цзуэй-э (Chen Tsuei-e), Хо Сюань (Ho Hsiuan) и автор данной статьи. В отличие от старых переводчиков, молодые переводчики переводили в основном современную русскую литературу: «Жизнь насекомых» и «Шлем ужаса» В. Пелевина, «Азazelь» Б. Акунина, фантастическую серию «Дозор» и «Танцы на снегу» С. Лукьяненко, «Детство сорок девять», «Сонечка» и «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой, «Грибной царь» Ю. Полякова и «Дай мне!» И. Денежкиной. Эти произведения переводились уже непосредственно с оригинала, что считается большим прогрессом в истории перевода русской литературы. Кроме того, за шесть лет (все эти

переводы появились в период с 2004 по 2010 год) изменилась и тональность переводимых произведений: это более жизнерадостные, легкие произведения в отличие от серьезных, глубоких классических произведений. В определенном смысле это можно считать неплохой переменной.

Молодым переводчикам известны сейчас привычки и вкусы их читателей, поэтому они могут быстро уловить их потребности. Хорошим примером здесь могут служить успехи реализации переводов произведений С. Лукьяненко¹³ на книжном рынке. Переводы этой серии появились на рынке раньше китайских и вызвали большой интерес у читателей.

Появление молодых профессиональных переводчиков с русского языка доказывает, что в будущем потребность в переводах, выполненных в Китае, а также переводов с японских и английских текстов уменьшится. Недавно, в августе 2010 года, в столице Тайваня Тайбэе открылось новое издательство под названием «Вишневый сад», основатель которого Чю Куан является профессиональным переводчиком русской литературы молодого поколения. «Вишневый сад» является первым издательством на Тайване, которое специализируется на публикации переводов произведений русской литературы. Первой книгой, выпущенной издательством, явился сборник «Дама с собачкой. Избранные сочинения А. Чехова». Издание имело успех на рынке, и по этому поводу было много репортажей¹⁴. С 2010 по 2015 год, кроме сборника «Дама с собачкой», издательство «Вишневый сад» опубликовало еще семь переводов: «Первая любовь» И. Тургенева (2011 г.), «Похороните меня за плинтусом» П. Санаева (2011 г.), «Герой нашего времени» М. Лермонтова (2012 г.), «Азazelь» и «Турецкий гамбит» Б. Акунина (2013 г.), «Записки из подполья» Ф. Достоевского (2014 г.) и «Шинель. Петербургские повести» Н. Гоголя (2015 г.). Стратегия издательства заключается, видимо, все-таки в новых переводах русской классики XIX века. Ведь долгое время русская литература XIX века воспитывала немало искренне любящих ее читателей.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что с увеличением количества издательств и профессиональных переводчиков, расширением круга читателей деятельность по переводу русской литературы на Тайване станет более плодотворной и эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

Crime and Punishment. 1927. Trans. by Zhang Yao-tang. *Taiwan Educational Magazine*. Chinese version. No. 303. Pp. 2–4.

¹³ Фантастическую серию «Дозор» перевели совместно молодые тайваньские переводчики: «Ночной дозор» перевела Сюн Цзун-хуэй в 2006 году, «Дневной дозор» — Ян Дин-цзя в 2007 году, «Сумеречный дозор» — Чю Куан и Ян Дин-цзя в 2007 году, «Последний дозор» — Чэнь Цзуэй-э в 2007 году.

¹⁴ См., например, следующие материалы: «Издательство “Вишневый сад” снова освятит русскую литературу» (China Times, 2010.08.08), «Шесть издателей рассматривают перспективы публикации» (UNITAS, № 315, 2010.12).

- Chen Jian-hua 2004. *Sino-Russian Literary Relations in Twentieth Century*. Shanghai: Xuelin.
- Chen Wuan-yi 2000. Lecture on Taiwan Prose — Taiwan Prose in the Period of Japanese Colonization. *First Taiwan High School Students Literature Camp Commemorating Lai Ho*. <http://cls.hs.yzu.edu.tw/laihe/C1/c12_021cj.htm>
- Chiu Ko-jung 2013. *Modern History of Children's Literature in Taiwan*. Taipei: Showwe Information.
- Eroshenko V. 1925. The Sadness of a Fish. Narrow Cage. *Taiwan Minbao*. <<http://tm.lib.ntu.edu.tw/>>
- Lai Tzu-yun 2014. Ghost Translators and Exiled Men of Letters — A Description of Translators in Post-war Taiwan. *Studies of Translation and Interpretation*. No. 17. Pp. 59–91.
- Long Ying-zong 1937. The Town with the Papaya Trees. *Kaizo*. No. 19(4). Tokyo: Kaizo-sha. Pp. 11–69.
- Long Ying-zong 2006. *Long Ying-Tsung: A Compendium of His Works in Chinese* (Vols. 1–8). Tainan: National Museum of Taiwan Literature.
- Tsai Sheng-chi 2002. Chinese Book-publishing Business in Taiwan During Japanese Colonial Rule, 1895–1945. *National Central Library Bulletin*. No. 2. Pp. 64–92.
- Tsai Sheng-chi 2010. The Suppressed Publications in the 1950s. *Bulletin of Academia Historica*. No. 26. P. 75–130.
- Tsay Ming-Yueh, Dong Huei-Ru 2009. A Study of World Translated Literature in Taiwan: A Bibliometric Approach. *Journal of Library and Information Science*. No. 35(2). Pp. 34–53.
- Wang Hui-chen 2010. The Private / Self (私, Watashi) Reading History of Taiwan Intellectuals under Japan Rule: Focusing on Taiwan Japanese Writers. *Bulletin of Taiwan Literature*. No. 16. Pp. 33–52.
- Wang Hui-chen 2014. *Colonial Writing within Sound of War Drums: The Trajectory of Long Yingzong's Literature*. Literature and Culture of Taiwan Series. Taipei: NTU Press.
- Wu Xuan-huon 2006. The Russian Novels with Prairie Spirit. *China Time, Kai Juan Supplement*. Nov. 11. <<http://blog.roodo.com/formosans/archives/2461716.html>>
- Yeh Shih-tao 1987. *History of Taiwanese Literature*. Kaohsiung: Wenxuejie.
- Zhang Qian-wei 2006. Once Again Welcome the Great Russian Writers! *New Taiwan Weekly*, No. 557, Nov. 23. <<http://www.newtaiwan.com.tw/bulletinview.jsp?bulletinid=65773>>
- Zhang Tie-fu 2000. The Guide of Pushkin's "first visiting to China". *Pushkin and China*. Changsha: Yuelu bookstore.
- Zhao Tian-yi 2002. Russian Literature Appreciation — from Old Russia to the Soviet Union. *Fourth Taiwan High School Students Literature Camp Commemorating Lai Ho*. National Repository of Cultural Heritage. <http://nrch.culture.tw/view.php?keyword=%E9%AD%9A&advanced=&s=496654&id=0005548116&proj=MOCC_IMD_001>
- Лю Вэнь-фэй 2004. Перевод и изучение русской литературы в Китае // *Новое литературное обозрение*. № 69. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html>>

CIP — Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

81'255.4(082)

НАЙДЕНО при преводу: трансформација, адаптација
и межкултурни трансфер / редактори Куми Татэока,
Валерий Гречко, Юика Китамура. — Белград: Логос,
2016 (Севойно: Графичар). — 224 стр.: илустр.; 24 cm

На спор. насл. стр.: Found in Translation: Transformation,
Adaptation and Cross-Cultural Transfer. — Радови на рус.
и енгл. језику. — На насл. стр. поред места издавања и:
Кобэ. — Предисловие от редакции: стр. 7–8.
— Напомене и библиографске референце уз текст.
— Библиографија уз сваки рад.

ISBN 978-86-88409-49-0

а) Књижевно превођење — Зборници

COBISS.SR-ID 221414668